

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА ПРИ ВОСПОМИНАНІИ
СТРАДАШЕЙ ГОСПОДНИХЪ.

Прииде Исусъ въ весь, нарицаемую Геосиманія, и глагола ученикомъ: съидите ту, дондеже шедъ помолюся тамо. И поемъ Петра и оба сына Зеведеова, начатъ скорбѣти и тужити. Тогда глагола имъ Исусъ: прискорбна есть душа Моя до смерти (Матѣ. XXVI, 36—8).

Итакъ не одни страданія крови, ранъ и позорной насильственной смерти тяготили нашего Господа и Спасителя, когда Онъ приближался къ концу своего земнаго служенія. Кромѣ страданій, для всѣхъ видимыхъ, Онъ несъ страданія внутреннія, не для всѣхъ ясныя. Эти внутреннія страданія предваряли и сопровождали іудино предательство, неправедный судъ начальниковъ іудейскихъ и жестокое исполненіе безчеловѣчнаго приговора.—

Наступала ночь, по видимому одна изъ обыкновенныхъ будничныхъ ночей, которая своею тишиною звала къ покою утомленной души, и покровомъ мрака закрывала отъ свѣта суетливую бѣготню людскую на торжищѣ міра. Но въ то время, когда покойный сонъ смѣжалъ очи живущихъ, и когда міръ не зналъ, не видѣлъ и не предчувствовалъ ничего особеннаго въ молчаливомъ ходѣ жизни,—одинъ не дремлющій стражъ стоитъ на вы-

сотѣ, на которой поставила Его любовь и провидѣніе, и свѣтлое лице Его, на которомъ всегда отражалось поражающее величіе божественнаго спокойствія, покрыто не выразиomo печалію, и видомъ своимъ говоритъ о глубокой, раздирающей сердце, скорби,— скорби душевной, превосходящей страданія крови! У одинокаго стража нѣтъ утѣшителя и помощника, и три свидѣтеля, избранные изъ всего рода человѣческаго, въ недоумѣніи смотрять на глубокую печаль своего Учителя, и ни словомъ вопроса, ни словомъ участія не смѣютъ прервать и на мгновеніе волненія божественной Души.

Давно замѣчено наблюденіемъ человѣческимъ, что слезы крѣпкаго мужа силы, изнемогающаго въ выпавшей ему борьбѣ жизни,—одно изъ самыхъ трогательныхъ явленій на землѣ, способное возбудить къ себѣ участіе не однихъ человѣческихъ душъ, обратить въ тревогу наше сердце и въ вопросъ тяжелаго недоумѣнія простую мысль зрителя. А здѣсь скорбитъ и плачетъ не простой мужъ силы, но существо, которому пѣтъ достойнаго соотвѣтственнаго имени въ языкѣ человѣческомъ, и предъ которымъ слабость и мелочь тысячи и десятки тысячъ великихъ смертныхъ. Его слушалось море; по Его манію стихали вѣтры и бури; предъ Нимъ притупляла свое жало непобѣдимая прежде смерть. Но вотъ всѣмъ управляющее и все превосходящее величіе обнаруживаетъ внутреннюю тугу, и говоритъ избраннымъ свидѣтелямъ ея: *прискорбна есть Душа Моя до смерти* (Мате. XXVI. 38). Волны, обуревающія душу, не сдерживаются могучею волею, и льются черезъ край. Волненіями скорби, овладѣвшей геосиманскимъ подвижникомъ, возбуждается необычайное движеніе въ мірахъ чистыхъ небесныхъ духовъ, и легіоны ангеловъ являются на землю для подкрѣпленія и утѣшенія страдальца.

О чемъ же скорбь Богочеловѣка?... Скорбь Того, котораго существо—свѣтъ и радость, котораго сердце—любовь и блаженство? Съ трепетомъ произносимъ мы вопросъ этотъ. Намъ ли съ

свою малую мысль изслѣдывать неизмѣримыя движенія Духа, предъ которымъ мала цѣлая вселенная? Наше сердце знакомо, можетъ быть, очень знакомо, съ печалями и сѣтованіями. Но наши печали—мелкія печали: печали временныхъ лишеній, печали оскорбленнаго своекорыстія, печали угрызений запятнанной совѣсти — могутъ ли онѣ быть мѣриломъ скорби Души вседовольной, ничего не требующей отъ другихъ, а все изливающей на другихъ.—Души, которыя чище и яснѣе свѣта солнечнаго?

Ктожь раскроетъ намъ тайну глубокой сокровенной скорби геосиманской?... Обратимся за разъясненіями ея къ тому же Духу истины, который, конечно для нашего же назиданія, благоволитъ указать намъ скорбь божественнаго Праведника и который такъ многое раскрылъ для насъ языкомъ святыхъ тайновидцевъ. По Его указанію, изъ геосиманскаго уединенія слышится намъ голосъ пламенной молитвы, намекающій намъ на то, что совершается во внутреннемъ святилищѣ сердца: *Отче Мой! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѣ. XXVI, 33). Въ этой сыновней молитвѣ не немощь преклоняется предъ Всесильнымъ, не боязнъ ищетъ защиты и покрова, а Воля, не знающая колебаній, повергаетъ предъ очи милосердія небеснаго ту нестерпимую горечь, какую видитъ въ чашѣ, переполненной до верха, и какую пьетъ она капля за каплей, по опредѣленію предвѣчнаго совѣта Божія.

Чтожь за горечь въ этой чашѣ, ужаснувшая Того, котораго боялись и буря и море и предъ которымъ бѣжали и падали во прахъ ягёоны темныхъ силъ?—Издадека водимый Духомъ Божиимъ пророкъ—евангелистъ провидѣлъ тѣ дни и минуты, о какихъ мы слышали нынѣ въ Евангеліи и о какихъ бесѣдуемъ съ вами, возл. братія, и живописуя грядущаго къ намъ Искупителя, сказалъ о Немъ: *Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Ис. LIII, 4),—болѣзнуетъ потому, что *всеи яко овцы заблудихомъ, человекъ отъ пути своего заблуди* (Ис. LIII,

6). Такимъ образомъ горечь, возмущившая чистую душу Праведника въ послѣднія минуты Его жизни, — *грѣхи* наши и беззаконія, *грѣхи наши*, *грѣхи предковъ* нашихъ, *грѣхи дѣтей* нашихъ, *грѣхи всего рода* человѣческаго.

Чтобы понять силу и значеніе священныхъ указаній, возведемъ нашу мысль изъ этой юдоли, въ которой тѣсный кругозоръ ея ограниченъ частностями и мелочами и въ которой тусклому взору ея не ясно видны очертанія и соотношенія вещей, и постараемся хотя нѣсколько приблизиться къ той высотѣ, съ которой смотреть *на землю* божественный взоръ. Наука о душѣ даетъ свидѣтельство, что въ тѣ торжественно-печальныя минуты, когда духъ человѣка съ сознаніемъ готовится переступить порогъ земнаго бытія, предъ нимъ съ необыкновенною ясностію оживаетъ вся полнота пройденнаго жизненнаго подвига, со всѣми забытыми представленіями и ощущеніями, и прошедшее многихъ десятилѣтій разомъ на мгновеніе дѣлается настоящимъ. Господь нашъ не былъ однимъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, но Онъ любилъ называть себя сыномъ человѣческимъ, показывая тѣмъ, что въ Его единичной душѣ совмѣщалась въ чистомъ видѣ вся полнота рода человѣческаго. Въ Его сердцѣ вмѣщались всѣ мы безраздѣльно. Въ торжественно-печальныя минуты предъ Нимъ, какъ сыномъ человѣческимъ, оживали ощущенія всѣхъ поколѣній, и тысячи разнообразныхъ болѣзней раздирали душу, жившую не для себя, а для любви и правды. Предъ Нимъ развертывается свитокъ книжный, на которомъ люди записали дѣянія своей силы, и Его око читаетъ въ немъ рыданіе, и жалость, и горе. Каждый памятникъ славы стоитъ на костяхъ погибшихъ и орошенъ кровавымъ потомъ и обильными слезами. Замыслы и предпріятія, наполнявшія циклы временъ и истощавшія силы многихъ поколѣній, оставляютъ по себѣ для вѣка однѣ развалины, на которыя смотреть скромный путешественникъ съ тяжелою думою о тлѣнности всего земнаго. Шумное торжище міра,

на которомъ быстро смѣняются поколѣнія, чѣмъ кажется оно очамъ величія, смотрящимъ съ неба на землю? Какъ мелкія пресмыкающіеся, ходимъ мы по землѣ, увлеченные суетливою злобою дня, отъ рожденія обреченные на скорую смерть, и между тѣмъ вокругъ насъ нѣтъ конца пререкашамъ, смутамъ и обманамъ. Каждый для себя и все человѣчество вмѣстѣ напрасно строятъ вавилонскій столбъ, котораго бы вершина досягала до небесъ и который бы далъ убѣжище робкимъ душамъ отъ бѣдъ, висящихъ надъ ихъ головами. Но погибель, растущая на зараженной грѣхомъ землѣ, уносить жертвы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, какъ бы соразмѣряя свои опустошительныя хищенія съ силою противоудѣйствія со стороны человѣка. Кипятъ наслажденіями, планами, дѣлами и славою наши большіе города, средоточія богатства и власти. Но когда въ древности Духъ Божій указалъ пророку на подобный избытокъ жизни, онъ увидѣлъ котель кипящій, и въ немъ варились кости и куски мяса веселящагося народа. Прошелъ день,—вскипѣло варенье, истлѣли кости, растопился котель, все обратилось въ пепелъ, который ждалъ перваго дуновенія вѣтра, чтобы исчезнуть въ неизвестности... Это ли блаженство, котораго ищеть и о которомъ тоскуеть духъ человѣка отъ Адама и до нашихъ дней? Печать гнѣва Божія, печать проклятія лежитъ на путяхъ нашихъ, и видъ ея былъ причиною глубокой скорби Сына Человѣческаго.

Представимъ, что на картину гибели и проклятія, начертанную на землѣ, смотритъ безконечная *любовь* взыскующая погибающаго человѣка, и мы еще болѣе уяснимъ себѣ тягость скорби вселюбящаго сердца. Съ неба на землю эта любовь низвела Бога, чтобы насъ, отпадшихъ отъ источника божественной жизни, снова приобщить къ ней, и снявши съ насъ проклетіе, возвратить намъ милосердіе Зиждителя, безъ котораго нѣтъ счастья въ мірѣ Божіемъ. Предъ совершеніемъ жертвы примиренія, любовь, имущая лѣкарство больному, видитъ, что весь онъ—язвы

и струпь, и нѣтъ мѣста въ немъ, гдѣ бы можно было приложить пластырь, и больно прикоснуться къ нему, чтобы сдѣлать обязаніе. Она зоветъ въ страну обѣтованія скитающихся по каменистой пустынѣ жизни, но къ этому зову остаются глухи даже тѣ, которые руководимы были по этой пустынѣ столбомъ облачнымъ и огненнымъ, и многіе изъ нихъ враждою, коварствомъ и гоненіями отвѣчали на спасительный зовъ. Что должна была чувствовать при этомъ любовь, больше которой мы ничего не можемъ представить? Но эта любовь не сочувствовала только, какъ бы вчуужь, нашимъ язvamъ: она всецѣло усвоила ихъ себѣ. Ядовитое жало грѣха, растравлявшее родъ пашъ, она какъ бы устами исторгала изъ зараженной природы нашей, желая спасти отъ смерти погибающихъ, — и могли ли не ощущаться при этомъ болѣзненные уязвленія чистой небесной Души? Каждый изъ насъ знаетъ по опыту, какъ мучить насъ совѣсть за содѣянные нами неправды и злодѣянія. Проклятіе правды Божіей за нарушенный святой законъ, проклятіе написанное на сердцѣ грѣшника, — самая страшная казнь, какую можетъ представить человѣческое воображеніе: казнь внутренняя, она невозбуждаетъ сожалѣнія, не несетъ съ собою примиренія, не имѣетъ той скоротечности, какъ казнь вѣшная, и поражаетъ обыкновенно не часть какую либо, но всего человѣка, и дѣлается его неотъемлемою принадлежностію, огнемъ адскимъ палая его существо. И вотъ эту казнь беретъ отъ всѣхъ и принимаетъ на себя чистый Праведникъ, не знавшій преступленія закона. Темныя силы ада, гнѣздящіяся въ милліонахъ грѣшныхъ сердецъ, устремляются на всесвятѣйшую Любовь и борются съ Непобѣдимымъ. Отягченный проклятiями виновнаго рода человѣческаго, Искупитель нашъ является предъ престоломъ грозной правды, и въ то время, когда отъ всесильной любви Его таетъ и сокрушается печать гнѣва Божія, нами заслуженнаго, стрѣлы правосудія небеснаго пронзаютъ Его

сердце и заставляют Его звать: *Боже Мой, Боже Мой! Вскую Мя еси оставил?*

Но вотъ свершилось наше спасеніе. Рукописаніе грѣха—причина бѣдъ нашихъ—расторгнуто и изглажено. Время болѣзней миновало. Между тѣмъ наша жизнь, жизнь людей, пользующихся благами искупленія, не приноситъ ли новой пищи для старой скорби? Наша доля не увеличивала ли собою тѣхъ страданій, какія несъ на себѣ Господь нашъ? Отвѣчать на это предоставляемъ совѣсти каждаго и той любви, какою мы должны пламенѣть къ Спасшему насъ отъ проклятія и смерти. Спаситель нашъ болѣлъ болѣзнями не одного поколѣнія. Въ мгновеніе искупленія тяжесть всѣхъ вѣковъ лежала на Немъ, и люди искупленія, вѣрою привитые къ доброй маслинѣ, можетъ быть больше заботили взоръ любви, обнимавшій всю полноту рода человѣческаго, чѣмъ сѣдящіе въ странѣ и сѣни смертной. Отъ насъ сугубое Ему уязвленіе, болѣе тяжкое и чувствительное, чѣмъ отъ незнавшихъ святаго имени Его. Мы усыновлены Имъ Богу, и пользуемся всѣми средствами благодати, а поступаемъ какъ враги Христовы, когда не употребляемъ всѣхъ успій къ избѣжанію грѣха. Вотъ ты, братъ, именуешься сыномъ и другомъ Божиимъ, а между тѣмъ небрежно хранишь святыню вѣры, подвергаешь сомнѣнію ученіе, припесенное и открытое тебѣ Богомъ, кощунственно относишься къ тайнамъ церкви, злоупотребляешь великимъ и страшнымъ именемъ Бога и Христа Его. Друге! Не больше ли этимъ ты оскорбляешь своего Избавителя, чѣмъ невѣрующіе іудеи, ругавшіеся Господу, возносившіе на Его чистую главу клеветы и порицанія и требовавшіе суда надъ Иимъ? Ты нарушаешь завѣтъ любви и мира, который оставилъ въ наслѣдіе и руководство своимъ ученикамъ страждущій за насъ Спаситель,—отъ щедротъ Божіихъ не хочешь ничего удѣлять несчастному ближнему, въ лицѣ котораго просить у тебя помощи самъ Господь, клеветою или безпорядочною страстію разстроиваешь

домашнее счастье своего друга, съешь вражду и обиду на умиротворенной кровію Сына Божія землѣ. Думаешь ли ты, что такое разстройство добрыхъ отношеній, производимое тобою въ единомъ тѣлѣ церкви, не чувствительно для главы ея, который есть Христосъ Господь? Ты неудержимо предаешься служенію плоти и, сдѣлавшись рабомъ ея, забываешь о потребностяхъ и желаніяхъ вѣрующей души и доводишь до одичанія нравственнаго чело-вѣка своего, рожденнаго и воспитаннаго силою Божіею. Какъ смотрѣть на тебя Тому, который по безмѣрной благодати своей искупилъ тебя отъ ада не цѣною золота или серебра, но Своею кровію?

Братія! Не привычка къ обличенію побуждаетъ церковь обращаться къ вамъ съ такими вопросами, а долгъ материнской заботливости ея о васъ. Ныпѣ дни покаянія: все зоветъ насъ къ самоиспытанію и очищенію своихъ грѣховъ; въ спасительныхъ тайнахъ Божіихъ предлагаются обильныя средства къ заглаженію нашихъ винъ предъ Богомъ. Память о страданіяхъ Христовыхъ, за насъ подъятыхъ, вызывается въ насъ, чтобы смягчить очерствѣлыя сердца и мыслию о безпредѣльной любви къ намъ Сына Божія подвигнуть насъ къ заботѣ о цѣлости души нашей,—дорогой части нашего существа. Аминь.
